

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИУРАЛЬЯ

В.М. Усманов

EPIGRAPHIC MONUMENTS OF THE URAL

V.M. Usmanov

Среди источников по истории и культуре татарского (шимали-тюркского) народа особую значимость имеют древние или старинные эпиграфические памятники. Как известно, основная часть произведений каллиграфического искусства и документов «каменного архива»¹ Приуралья до сегодняшнего дня остаются вне поля зрения современных ученых. Изучению здешних эпитафий не посвящено ни одного специального научного исследования, хотя она достойна пристального внимания.

На протяжении последних 25 лет нами проводились целенаправленные (хотя и не системные), выборочно-фрагментарные исследования эпиграфических памятников находящихся в различных населенных пунктах бывших территорий Оренбургской губернии и Букеевской Орды, включая и небольшие населенные пункты. (Как мы знаем из истории, оба этих региона объединяло издревле общее культурное пространство, например, с прежних времен существования государств – Дэшти-Кипчак и Ногайской Орды). Выявлено и изучено в общей сложности более четырех тысяч эпитафий и больше ста пятидесяти кабрстанов, что позволяет нам сделать определенные выводы и обобщения.

Изучение, фиксация, инвентаризация, картографирование и издание фотографий с текстами надмогильных камней обнаруженных на территории Российской Федерации и Казахстана, стало для нас – для всех шимали-тюркских эпиграфистов, настоятельной необходимостью. «Частичные исследования, как писал академик И.Ю.Крачковский, должны быть дополнены составлением «репертуара и корпуса арабских надписей»². Эта работа, связанная по составлению каталогов (подобно хронологическому регистру), и издание их в виде печатных книг является для нас архиважнейшей. Только таким образом можно их собрать в одном месте и сохранить для потомков. (Кроме всего, это наследие может быть и в электроносителях, сейчас ведь возможностей очень много).

Время безжалостно относится к культурному наследию, в частности, к кабрташам, надписи стираются и постепенно исчезают, подвергаясь естественному разрушению и физическому уничтожению (есть немало случаев и фактов использования их в виде строительного материала).

По имеющимся сведениям, основная часть эпиграфических

памятников Приуралья (городов: Уфа, Стерлитамак, Орск, Оренбург), аулов – Зирган, Имангулово 2-е, Нежинка, Янгурча (первый кабрстан), Кабакуш,.. (перечисление можно было бы и дальше продолжить) безвозвратно утеряна. Однако, в таких населенных пунктах, как – в городах Актюбинск, Троицк, Уральск, в селах Стерлибаш, Каргалы (все три кабрстана) сохранились в относительно хорошем состоянии.

С 2002 по 2014 г. при содействии и финансовой помощи меценатов – А.Р.Искандарова, Р.Р.Абдрашитова, Р.А.Хасанова и других спонсоров – были изданы серия книг-каталогов «Исторические памятники» о мусульманских эпитафиях Приуралья (непретендующие на официально-научную литературу). Необходимо оговориться, вся эта работа проводилась специалистом с художественным образованием и с позиции человека, считающего себя сторонником взглядов Ризы Фахреддинова, касающихся шимали-тюркской общности. В процессе моей научной работы исторические или языковые аспекты имели не первостепенное значение.

В ходе этой многолетней работы приходилось читать и разбирать множество разнообразных эпитафий и, в том числе, архисложные тексты. Например, результаты палеографического исследования надмогильного камня «губернаторши» Хадичэ бикэ³, выявила следующую информацию для историков: усопшая госпожа была дочерью Джанкай мирзы, прожила

в замужестве с Кутлугмухаммедом Тефкелевым 33 года и умерла в 49-летнем возрасте в 1752 г. (в то время ее супруг находился в звании бригадира). Кроме этого, в процессе чтения и расшифровки этого эпитафия, выяснилось: резчик по камню катиб Ибрагим был еще и поэтом, оставил нам на кабрташе одно из своих стихотворных произведений.

Принимая во внимание особенности проблем графологического анализа, следует сказать то, что для полного и правильного прочтения «запутанных» текстов и плохо сохранившихся надписей, не поддающихся осмысленному чтению, необходимо привлекать специалистов в области текстологии, филологии, археографии, ведь такая работа требует коллективных усилий. И вообще, без правильного чтения любого эпиграфического памятника нет возможности выполнения ясной и четкой прорисовки. Вопрос: А, для чего нужна здесь прорисовка? Ответ: Все здесь взаимосвязано, именно при выполнении прорисовки производится палеографический анализ, в результате чего достигается точное или более правдоподобное чтение текста и таким образом осуществляется реконструкция плохо сохранившихся букв или изображений.

Мы в своей научной работе часто сталкиваемся и с некоторыми вопросами и проблемами полиграфии, напрямую связанные с финансами. Из-за неимения достаточных средств для выполнения качественной печати, приходится

довольствоваться тем, что есть. Часто бывает так, что фоторепродукции получаются очень плохого качества, так сказать – «все в дыму, война в Крыму» (такую картину мы видим и в некоторых столичных научных изданиях и поэтому, нет смысла предлагать для тиражирования имеющийся в арсенале фотоматериал, ограничиваясь лишь графическими изображениями – прорисовками. Здесь хочется сделать акцент на том, что при исследовании эпиграфических памятников носителем основной и первичной информации является сам объект или четкий фотоснимок (в том числе, эстампаж, оттиск) и правильно выполненная прорисовка, но не сопровождающие, и не всегда правильно прочитанные тексты с транслитерацией, далекие от истины. Игнорирование первоисточника – объекта (в данном случае – фотографии) является ошибочным и антинаучным. В этой работе должны быть четко проставлены приоритеты, действия должны быть логически осознанными и последовательными, а уж только после этого можно думать о транслитерациях, о транскрипциях и о переводах текста на международные языки. Нельзя бежать впереди паровоза!

Какие же обстоятельства способствовали развитию и сохранению традиций камнерезного искусства и каллиграфии. Попробуем назвать их.

1. Укоренившиеся многовековые традиции, идущие со времен Золотой Орды.

2. Распространение мистического учения Накшбандийа способствовавшее развитию суфийской литературы, камнерезного искусства и каллиграфии.

3. Улучшение материального благосостояния Россиян в XVII – начале XX вв.

4. Существование исламской системы образования.

5. Появление меценатов.

6. Проявление веротерпимости со стороны государственных чиновников.

7. Существование и разработывание различных карьеров природного камня по всей территории Оренбургской губернии и Букеевской Орды (в частности, иманкуловского, оренбургского известняка, троицкого песчаника и т.д.).

Как известно, в Стерлитамакском уезде существовало несколько центров просвещения – стерлибашевское, балыклинское, куганакбашское медресе, где развивалось искусство рукописной книги, каллиграфии и производство кабрташей и конечно же это явление было связано с наличием легкообрабатываемого местного яшергановского камня (и существованием своих предприимчивых кадров камнерезного искусства, в отличие от аулов – Балыклыкуль и Утяково: где, кстати, также имелись учебные заведения – ждановское и хабибназаровское медресе). Но такие обстоятельства не всегда касались таких купеческих городов, как Бирск, Уфа, Стерлитамак. Потому что, в этих (да иногда и в некоторых других) населенных пунктах

широко использовался привозной материал.

Нам – шимали-тюркским эпиграфистам двух государств – России и Казахстана, предстоит решать совместные следующие задачи.

1. Как было уже отмечено выше, необходимо наиболее полно выявить, зафиксировать и ввести в научный оборот как можно больше сведений о сохранившихся эпиграфических памятниках.

2. Классифицировать эпитафии по хронологическому, региональному (географическому), типологическому языковому принципам и выявить локальные индивидуально – оригинальные варианты.

Например, при составлении «полного свода» эпиграфических памятников следует придерживаться хронологического принципа для Оренбургского (Стерлибашевско-Каргалинского) и Троицкого регионов по отдельности, привязывая географически к ним прилегающих населенных пунктов.

Почему? В связи с тем, что в Троицком регионе (т.е. на территориях современной Челябинской и Курганской областей) сформировался другой, «упрощенный» (но для исполнителей технически сложный), стиль эпитафийных памятников, отличающихся от остальных (в частности, отсутствием каких-либо замысловатых архитектурных форм). Видимо, это объясняется, в первую очередь, с использованием твердых пород строительного камня местного вулканического происхождения. Именно это обстоя-

тельство диктовало заниматься данным видом искусства (или ремеслом) только лишь узкому кругу грамотных мастеров камнерезного дела, в отличие от оренбургских, актюбинских, уральских хаттатов. И, стало быть, всякий мастер каллиграфии, живущий в г.Троицк, не мог заниматься выполнением трудоемких заказов по изготовлению кабрташей.

Как нам известно, на татарских (в том числе, и на шимали-тюркских) эпиграфических памятниках выработался набор определенных трафаретов вступительных и благожелательных формул. На троицких эпитафиях (в отличие от других, скажем, кабрташей стерлибашево-каргалинского региона) часто можно увидеть 89-й аят из суры «Аль-анбийа»: «Господи! Не оставляй меня одиноким, и ты – Наилучший из наследников».

Еще одна особенность троицких эпиграфических памятников в том, что на обратной стороне часто пишется очень кратко изложенная информация (имя усопшего и прозвище, которое он носил при жизни): «Печник Гали», «Певец Мирфайза», «Алтынче (золотых дел мастер) Шарафи», «Мясник Ахмеджан», «Кучер Шигай», «Конторщик Мифтах», «Приказщик Закир Валиев», «Караванчик Бабаджан» и другие.

3. Выявить места изготовления эпиграфических памятников, установить территорию распространения их изделий. «Нас же интересуют эти памятники как особый феномен художественной культуры, возникший на основе синте-

за книжного и орнаментального искусства, архитектуры, резьбы по камню, а также каллиграфии. Каждый такой камень можно рассматривать как архитектурное сооружение, памятник, поставленный на определенном месте»⁴.

Местом максимальной концентрации эпиграфических памятников середины XVIII – начала XX вв. является г.Оренбург (вместе с Сеитовой слободой), а также города – Актюбинск и Уральск. Именно, в это время, в этих центрах существовало множество мастерских по производству эпитафий. Исполненные «столичными» (каргалинскими, актюбинскими, уральскими) мастерами кабрташи, сооружались не только на местных кладбищах, но и довольно далеко от этих городских центров почти на всей обширной территории Оренбургской губернии, Букеевской Орды и за ее пределами.

Изначально, первые кабрташи г.Оренбурга и Сеитова Посада выполнялись в рамках старых традиций, идущие с предыдущих веков, связанных с культурой Казанского ханства. Форма верхней части имела вид стрельчатой арки (таких памятников осталось мало – в количестве одного десятка), а потом, с течением времени, эта традиция исчезая переходит в прямоугольную и полукруглую форму.

В отличие от традиций казанских татар, на некоторых памятниках, относящихся к «степнякам» (т.е. ногайским татарам, казахам) в текстах указывается названия рода, отделения рода, подотделения и

тамга, а в орнаментальных композициях изображаются им только характерные узоры. Среди кабрташей могут быть образцы с «чалмаобразным» завершением наподобие северокавказских, но отличающихся от турецких.

К середине XIX в. в оренбургских (каргалинских) мастерских создавались кабрташи напоминающие малые архитектурные формы, выполненные в мусульманском и в европейском стилях, а также похожие на каменных балбалов наподобие стилизованных фигур человека (их небольшое количество).

В связи с развитием капиталистических отношений и транспорта, элита российского общества (в том числе мусульманская часть) с конца XIX века – в начале XX вв. начинает использовать для выполнения надмогильных эпиграфических памятников уже готовые разнообразные «заготовки» европейского (или евразийского) стиля, сделанные из уральского мрамора и гранита.

«В XVII–XVIII вв., хотя и отмечается широкий разброс композиционных решений в оформлении эпитафий, можно наблюдать сложение определенных типов для отдельных регионов. Это направление продолжается и в XIX в. Большое разнообразие типов в XIX – первой трети XX в. Связано с включением в процессе оформления эпитафий широкого круга непрофессиональных писцов и резчиков по камню»⁵.

4. Выявление групп кабрташей и их авторов – катибов – по характер-

ным индивидуальным признакам отличных от остальных. Это необходимо определить путем сравнительного палеографического анализа, включая многих эпиграфических памятников Южного Урала и Казахстана, а также, архивные документы (метрические записи), рукописные книги и т.п. Эта работа очень важна для нас, искусствоведов. Я уверен, по истечению определенного времени, будут написаны и изданы монографии о жизни многих известных мастеров прош-

лых веков. Ведь, например, созданные произведения оренбургского катиба Губайдуллы бин Ахмед, равнозначны творчеству, скажем, Дэрзмэнда (Закира Рамиева)

На эпитафиях можно увидеть часто повторяющиеся трафаретные стихотворные строки философского содержания, а также, оригинальные поэтические произведения, представляющие большой интерес для литературоведов на арабском, персидском и тюркском языках. Например:

*“Дөнъядан китдең вақытсыз
Иртәрәк сулдың, чәчәк,
Зур газаб чикдең, бәхетсез,
Күрмәдең рахәт йәшәб.*

*Билахир кызганды Аллаһ
Әй, бала, күрдең кабер,
Мөнкәсир мәхзун күңел
Аһ, кайтачакмыз шунда бер.”*

*“Ушел из мира (бренного) не вовремя
Очень рано завял цветок мой,
(Ты) несчастный, много испытал страданий
Не успел увидеть наслаждений жизни.*

*В конце сжалился Аллах
Эй, ребенок увидел могилу,
Разбита опечаленная душа
Ах, вернемся (и мы) туда однажды.”*

На кабрташах кроме арабографических надписей встречаются, как было сказано выше, изображение родовых знаков (следует подчеркнуть, на троицких эпитафиях они не зафиксированы).

При создании эпитафийных памятников хаттаты-резчики обычно использовали самый распространенный насх, реже – сульс, рикъа, талик, насталик. Однако, часть

текстов были выполнены индивидуально-оригинальным (неклассическим) почерком, аж даже, иногда их трудно определить к какой же разновидности арабского письма может ближе находиться (или относиться) та или иная эпиграфическая композиция.

Шимали-тюркский народ почти тысячу лет пользовался арабской письменностью и имел широкую

сеть национальных школ. А так называемый литературный язык «тюрки» Урало-Поволжья находил свое прекрасное изобразительное отражение в универсальной арабской графике. Каждый представитель этнической группы шимали-тюркского народа пользуясь арабскими буквами писал (или старался писать) подчиняясь определенным сложившимся правилам, но читал написанное по-своему, принимая во внимание диалектические особенности. В этих нюансах и тонкостях, в то время, ни у кого никогда не было разногласия или непонимания.

Выявленные имена некоторых хаттатов живших и работавших в Приуралье.

3. Ибрагим ахунд бин Мухаммедтуляк бин Бикмухаммед аль-Оренбури, ?–1761 гг. Он является автором надмогильного архитектурного комплекса посвященного памяти Хадичэ бикэ, проявил себя талантливым человеком в разных областях искусства.

4. Исхаки бин Абдулькарим аль-Каргалы, 1732–1802 гг. В его творчестве (как у его предшественника – катиба Ибрагима) синтезировались многие виды искусств. Они являются яркими представителями мусульманского искусства в эпоху шимали-тюркского Возрождения в рамках Российской империи⁶.

5. Катиб Мухаммед аль-Каргалы, жил и работал в XIX в. (очевидно, его имя следует искать среди списка религиозных деятелей Сеитовой слободы; творчество катиба требует отдельного исследова-

ния). До него и в его время в Каргалах работали более 10-ти до сих пор нам неизвестных выдающихся мастеров. К сожалению, мы о них пока ничего конкретного не можем сказать, кроме версий и предположений. Этому периоду эпиграфических памятников, характерно изящество, соразмерность и тонкое чувство художественного вкуса.

6. Гатаулла бин Узбек бин Субханкул бин Мустафа аль-Каргалы, ?–1832 гг. Установление авторства работ этого каргалинского мастера каллиграфии является задачей для будущих исследователей⁷.

7. Сайфутдин бин Хафизетдин аль-Каргалы; не является признанным мастером, однако, его произведения отвечали всем основным критериям монументального эпиграфического искусства и поэтому его работы были востребованы. Выполненные его руками кабрташи находятся во многих населенных пунктах бывшей оренбургской губернии и за его пределами. Творчество катиба Сайфутдина, еще раз, подтверждает истину о том, что «каждое ремесло, достигая совершенства, превращается в искусство»⁸. Его работам характерна монументальность, рельефность (игра светотени), четкость, краткость и простота текста.

8. Мухаммедсалим Умидбаев⁹.

9. Хайрулла бин Габдрахман Усманов аль-Каргалы, 1866–1915 гг., продолжатель классических стилей арабского письма.

10. Салях Камал.

11. Ахмадзаки Валиди, сохрани-

лась одна из его работ в его деревне Утяково.

12. Шахгали Уразаев, его композиции не выделяются мастерством каллиграфического искусства.

13. Ибнеябан бин Абдулгани, 1883–1970 гг., отличается ярко выраженным индивидуальным почерком.

14. Имам Баймухаммед (1876–?) бин Бикмухаммед бин Ярмухаммед (1833–?) бин Яхъя (1811–1840) бин Яугилде (1776–1843) бин Ишкилде (1748–1824) бин Саид. Был выходцем из юрматинских башкир деревни Табулды, репрессирован.

15. Габдрахман бин Гали Айдабулов, 1881–1972 гг.

16. Габдрахим Галиев, 1867–1966 гг.

17. Габделмаджид бин Абунагим Мунасыпов, 1880–1946 гг.

18. Габделвахид бин Абунагим Мунасыпов, 1880–1946 гг.

19. Габделвахид бин Абунагим Мунасыпов, 1890–1939 гг.

20. Гарифулла бин Габдулла Давлетъяров, 1882–? гг., репрессирован. Его творчество подтверждает мысль о том, что и в провинции успешно развивалось искусство каллиграфии и камнерезного дела.

21. Габдулла бин Мухаммедхарис Тукаев, ?–1918 гг. Один из ярких стерлибашевских хаттатов.

22. Гыйзеддин бин Бахтегани бин Губайдулла бин Тухфатулла бин Муртаза Давлетъяров.

23. Губайдулла бин Ахмед бин Махмуд Исмагилов, 1862–1910 гг.

24. Рахимджан бин Мухаммеджан бин Бикмухаммед из д.Каралачик (Башкортстан).

Список выявленных имен троичских катибов и мастеров камнерезного искусства.

1. Абдулхалик муэдзин бин мулла Ибрагим аль-Казани, родом из д.Хусни-Шейх, 1810–1877 гг.

2. Хабибрахман бин муэдзин Абдулхалик бин Ибрагим аль-Казани, 1846–1921 гг.

3. Абдрахман бин муэдзин Абдулхалик, 1848–1890 гг.

4. Абдуллатиф бин муэдзин Абдулхалик, 1856–1934 гг.

5. Ахмеджан бин Мухаммедгата Мухаммедвалиев, 1852–1918 гг., из д. Ачулы Верхнеуральского уезда.

6. Катиб Гумар.

7. Сабирджан бин Ахмеджан бин Мухаммедгата бин Мухаммедвали (Валиев), жил во второй половине XIX – в начале XX в.

8. Катиб Бахауддин, мулла

9. Катиб Мухаммедъяр хальфа бин Мадъяр, муэдзин 4-ой мечети, 1852–1907 гг.

10. Муэдзин Гайфулла бин мулла Мухаммедхабиб бин Фатхулла Ишматов, ?–1910 гг.

Список авторов эпиграфических памятников относящихся к примитивному искусству провинциальных резчиков, которые исполняли более скромные и бедные заказы не представляющие особого художественного интереса.

1. Катиб Шакир, предположительно из аула Тяттер–Арслан.

2. Давлетъяров Сарвареддин (Сарвар) жил в первой половине XX в. в д.Яшерган.

3. Хайруллин Габдрахман Сайфуллович, 1914–1998 гг., д.Яшерган.

4. Ягъфар Гыльмутдинович Гымазов, 1925–1998 гг., камнетес, резчик по камню, хаттат; жил в д.Яшерган.

5. Муса Ибрагимович Гымазов (р. 1930), резчик по камню, каллиграф; д.Яшерган.

6. Габбас Гатауллович, жил в XIX в. в Каргалах.

7. Катиб Афзалетдин бин Багаутдин, ?–7.01.1921 гг., жил в д.Миякитамак (Башкортостан, Миякинский район).

8. Садыков Закир, жил в XX в. в Каргалах.

9. Баширов Валиахмед, каргалинский катиб, жил в XX в.

10. Хасанов Ахмади Шахидулович, жил в начале XX в. в д. Амир (Башкортостан, Стерлибашевский район).

11. Муллагали хальфа (учитель медресе) из аула Ибрай (Башкортостан, Стерлибашевский район).

12. Шахмухаммед бин Абдуллатиф (Латыпов), 1847–1934 гг., жил

в деревне Халикей (Башкортостан, Стерлибашевский район).

13. Юсуф бин Хусаин, из аула Зирган.

14. Сахиулла бин Мухаммедсыйдык, из д.Каралачик (Башкортостан).

Нахождение новых имен, до сих пор нам неизвестных, забытых катибов (резчиков по камню), также, остается одной из первостепенных задач для будущих исследователей. Ограниченность объема материала, на который мы опираемся, допускают ошибочные предположения. Поспешные догадки и версии, в дальнейшем требуют подтверждения конкретными фактами.

Нам предки оставили богатое культурное наследие. Однако, шамали – тюркская эпиграфика пока не представляет собой особой значимости для нашей научной общности. Видимо, для осознания важности этой кладки первоисточников требуется время.

ПРИМЕЧАНИЯ

(Endnotes)

- 1 Сергеев В. Дорогами старых мастеров. М., 1982. С. 193.
- 2 Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: «Наука», 1984. С. 3.
- 3 Рәхимкулова М. Гатаулла Камский һәм башка зыялыларыбыз. Оренбург, 1999. С. 225.
- 4 Червоная С.М. Искусство Татарии. М., 1987. С. 108.
- 5 Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Казань, 2008. С. 65.
- 6 Әхмәтжанов М. XVII–XVIII гасыр татар ташбилгеләре. Казан, 2011. С. 159.
- 7 Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972. С. 22.
- 8 Абзалина Р. Альбом. Шамаилы из коллекции Национального музея Республики Татарстан (конец XIX – начало XX вв.). Собрания профессоров И.М.Покровского и Н.Ф.Каганова. Казань, 2003. С. 5.
- 9 Рәхимкулова М. Гатаулла Камский һәм башка зыялыларыбыз. Оренбург, 1999. С. 239.

Сведения об авторе: Усманов Венер Мударисович, научный сотрудник ЦПиМН ИЯЛИ АН РТ; e-mail: v.m.usmanov@mail.ru.

Аннотация: Статья посвящена проблемам изучения, инвентаризации, и составления каталогов, эпитафических памятников Приуралья.

Ключевые слова: шимали-тюркские кабрташи, эпитафии Приуралья, фиксация, инвентаризация, составление каталогов, палеографическое исследование, принципы классификации, хаттаты.

Abstract: The article is devoted to the problems of studying, inventory, and compiling catalogs, epigraphic monuments of the Ural.

Key-words: Shimali-Turkic cabrtashi (gravestone), the Ural epitaphs, fixation, inventory, compilation of catalogs, paleographic research, principles of classification, hattats (calligraphy)